

Елена Давыдова

Письмена Тыневия: микроисторический анализ одного изобретения¹

В данной статье рассматривается случай изобретения логографического письма чукчей Тыневием в 1920-е гг. Данный феномен анализируется не с лингвистической, а с антропологической точки зрения, то есть цель работы состоит в том, чтобы приблизиться к пониманию того, как письмо использовалось, каковы были предпосылки и следствия этого использования и социально-культурный контекст его изобретения и функционирования. Обращение к биографии Тыневия и исторической ситуации второй четверти XX в. на Чукотке позволяет сделать вывод, что письмо стало своего рода компромиссом для создателя, формой диалога с государством, попыткой приспособиться к социальным изменениям, происходившим на Чукотке в то время. Тыневиль, подражая знаковой системе «другой культуры», в результате создал альтернативную — чукотскую, «свою».

Ключевые слова: Чукотка, сибиреведение, Тыневиль, письменность, история письма, политическое сопротивление.

Имя чукчи Тыневия² (ил. 1), придумавшего словесное письмо в 1920-е гг., достаточно хорошо известно среди специалистов — исследователей, изучающих культуры Северо-Восточной Сибири, а также лингвистов, занимающихся историей развития письма. Впервые сведения о Тыневиле дошли до Санкт-Петербурга в начале 1930-х гг. и вызвали большой интерес в научных кругах. В 1930—1960-е гг. последовал целый ряд публикаций, посвященных этому одаренному человеку и его изобретению [Богораз 1934а: 5—46; Миндалевич 1934: 191—197; Сергеев 1956: 141—149; Лавров 1969: 26—28]. В них приводились описание системы Тыневия и биографические сведения о самом изобретателе. В работах по истории и теории письменности, как правило, также не забывают упомянуть о чукотском логографическом письме, вписываемом в общий контекст истории развития письменности [Кондратов 1975: 25; Фридрих 1979: 206]. Но данное изобретение анализировалось именно в рамках лингвистики, т.е. его пытались уместить в те или иные типологии

Елена Андреевна Давыдова

Музей антропологии
и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург
Elenav0202@gmail.com

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ, проект 14-18-02785 (руководитель В.А. Попов).

² Разные авторы называли его по-разному: Теневиль (В.Г. Богораз, И.П. Лавров), Тенневиль (А.М. Миндалевич), Тынеувиль (М.А. Сергеев), Тыневиль (В.Г. Богораз). В данной статье используется имя Тыневиль, но в цитатах оставляются авторские написания его имени.

письма. Я же хочу в этой статье сменить ракурс рассмотрения и проанализировать данный феномен с позиций культурной антропологии: приблизиться к пониманию того, как письмо использовалось, каковы были предпосылки и следствия этого использования и социально-культурный контекст его создания и бытования.

Анализируя конкретный случай изобретения письма Тыневилем: историю его создания, биографию создателя, его ближайшее окружение, а также само «творение» — письменные знаки, я ставлю целью понять принципы изобретения и функционирования письменности. При этом Тыневиля и его письма необходимо поместить в исторический контекст, т.е. учесть специфику тех изменений, которые произошли на Чукотке начиная с 20-х гг. XX столетия.

Открытие письма Тыневиля

«Открытие» Тыневиля для научного сообщества произошло благодаря А.М. Миндалевичу. Он был экономистом, руководителем экономико-этнографического сектора Анадырско-Чукотской экспедиции Всесоюзного арктического института (ныне — Арктический и антарктический научно-исследовательский институт) 1931–1932 гг., изучавшей геологию, геоботанику, зоологию, экономику и этнографию этого края [Миндалевич 1934: 195]. В 1932 г. А.М. Миндалевич привез с Чукотки так называемые «таблички Тыневиля». Они представляли собой деревянные дощечки, снятые с товарного ящика, с нанесенными на них острым предметом (возможно, гвоздем) и химическим карандашом знаками [Миндалевич 1934: 191–197]. В 1945 г. искусствовед И.П. Лавров отправился на Чукотку в составе археолого-этнографической экспедиции АН СССР. Он знал о Тыневиле и его изобретении из статьи В.Г. Богораза и очень заинтересовался этим феноменом. Исследователь поставил цель найти этого человека и познакомиться с ним. Однако Тыневиль умер за год до приезда И.П. Лаврова [Лавров 1969: 26]. Но ученому удалось познакомиться и пообщаться с семьей Тыневиля. Жена изобретателя передала исследователю «архив» своего мужа — деревянный ящик, заполненный книжками, тетрадями, листами бумаги, конфетными фантиками, оберточной бумагой, всем тем, на чем писал Тыневиль [Лавров 1969: 26]. К сожалению, указанные первоисточники обнаружить не удалось¹.

¹ Информацию о письме Тыневиля можно найти в работах упомянутых исследователей, а также в описании табличек, составленном В.Г. Богоразом и хранящемся в архиве [СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 1. Д. 79].

Таким образом, сами таблички оказались утрачены, но сохранились рисунки знаков и переводы табличек на русский язык. Дело в том, что вместе с дощечками, исписанными Тыневилем специально по просьбе А.М. Миндалевича в течение двух дней [СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 1. Д. 79. Л. 4], в Санкт-Петербург были также переданы подстрочные переводы этих записей на чукотском языке. Их выполнила ученица В.Г. Богораза — бурятка Долма Цибектарова. Она учила чукотский язык в Ленинграде на протяжении одного года, после чего была отправлена в Чукотский округ. «Цибектарова <...> под диктовку Тыневила записала [на чукотском языке] содержание его таблиц, правда, весьма неточное, с плохой орфографией» [СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 1. Д. 79. Л. 3]. В.Г. Богораз, получив все эти материалы, перевел их на русский язык. Именно этот русский перевод дошел до наших дней [СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 1. Д. 79. Л. 3]. Кроме того, В.Г. Богораз, А.М. Миндалевич и И.П. Лавров составили словарные списки графем Тыневила: всего известно порядка 160 знаков.

Уникальность системы Тыневила

Примеры изобретения письменных знаков представителями коренных народов Сибири в XIX—XX вв. не единичны [Иванов 1940: 23—26]. Известно «юкагирское письмо»: юкагирские девушки создавали так называемые «любовные письма». В них они рассказывали о своих отношениях с молодыми людьми и связанных с этими отношениями чувствах и переживаниях: любви, ревности, горя от разлуки и т.д. [Иохельсон 1934: 152—157]. На бересте острием ножа выводились линии и узоры, которые обозначали дома, людей, а также мысли и чувства героев писем. Помимо «любовного» у юкагиrow также существовало картинное письмо, в котором передавалась информация о маршрутах кочевков: так разные семейные группы узнавали о местонахождении друг друга [Иохельсон 1934: 153]. Картинное письмо встречалось и у нивхов, вырезавших на ритуальных ковшах обстоятельства добычи медведя [Крейнович 1934: 184—186]. Коряки на бересту с помощью костяной иглки наносили значки для фиксации количества убитых и сданных в факторию шкурок зверей и выменянных на них товаров [Стебницкий 1934: 53—54]. В начале XX в. Н.Н. Беретти видел у коряков села Каменного записные книжки, в которые они заносили информацию о долгах [Беретти 1929: 33—34]. Делалось это с помощью придуманных ими значков. Так, вертикальная палка обозначала единицу (рубль), крест — десятку, крест в кружке — сотню, точка — одну копейку, дом с крестом — Гижигу (так как там есть церковь), дом без креста — Пенжино (здесь церковь отсутствует), елка — тунгуса (так как тунгусы

живут в лесах), лодка — оседлого коряка, чум — кочующего туземца, квадрат — кирпич чая. Используя эти незамысловатые рисунки, коряки записывали, кто кому сколько должен. Письменные знаки в 1920-е гг. неоднократно придумывались торговцами для ведения учета товаров [Леонтьев 1967: 192–193]. В Северо-Восточной Сибири были распространены гравировка на костяных изделиях, рисование на деревянных предметах и даже скалах (см.: [Hoffman 1897; Богораз 1939; Иванов 1949: 109–121; Головнев 2000: 185–188; Тишков 2008]).

Однако систему Тыневиля на общесибирском фоне можно назвать уникальной. Во-первых, по уровню разработанности: к концу жизни Тыневиля им было придумано порядка тысячи знаков [Лавров 1969: 27], включавших обозначения не только существительных, но и глаголов, прилагательных, наречий, предлогов, союзов и даже вводных слов. Графемы достаточно условны, хотя иногда в их очертаниях угадывается обозначаемое (см., например, ил. 5–10, 17, 27, 29, 30, 32). Визуально формы знаков напоминают изящные и витиеватые узоры (см. ил. 5–37).

Во-вторых, письмо Тыневиля относится к логографическому, или словесному, типу и принципиально отличается от пиктографических (рисунчатых) систем, встречающихся во всех уголках земного шара. Особенность рисунчатого письма заключается не в изобразительности / наглядности знаков, как считал, например, В.Г. Богораз, писавший, что «часть графем Тыневиля имеет пиктографический характер» [Богораз 1934а: 9], имея в виду, что знаки сохраняют внешнее сходство со своими денотатами. Так, он отмечал, что графемы для различных пород рыб, таких как бычок (ил. 5), кета (ил. 6), налим (ил. 7), хариус (ил. 8), щука (ил. 9), сиг (ил. 10), в общем похожи на вертлявых рыбок, плавающих в воде [Богораз 1934а: 9]. Основная характерная черта пиктографии состоит в другом: она передает общий смысл, а не конкретные слова или звуки, она толкуется, а не читается [Истрин 1961: 26–32; 1965: 32–37; Фридрих 1979: 36–45]. В логографическом же письме сказанное фиксируется пословно, но отсутствуют грамматические категории. Например, повествования на чукотских или эскимосских костяных изделиях должны быть отнесены к пиктографии, равно как и упомянутые юкагирские любовные письма, маршрутные карты на бересте и мемориальные знаки на деревьях у различных сибирских народов. Изобретение же Тыневиля является логографией: написанные им тексты, как правило, можно прочитать пословно (ил. 2, 3) [Богораз 1934а: 10; Миндалевич 1934: 194]. Располагая графемы-слова друг за другом, Тыневиль мог составлять целые предложения.

Тыневиль: попытка биографии

Несколько слов необходимо сказать о самом изобретателе. В общем, о жизни Тыневилья до его вступления в совхоз в 1932 г. известно не так много [Сергеев 1956: 146]. Однако о его биографии можно узнать не только из чужих пересказов, но и от него самого, так как он поведал о себе на знаменитых дощечках (см. приложение). При этом «автобиографические» сведения Тыневилья перекликаются с рассказами о его жизни других людей.

Родился Тыневиль в конце XIX в. в одном из стойбищ бассейна р. Белой. В.Г. Богораз и А.М. Миндалевич писали, что он был приморского происхождения — пришел в тундру с берега Кулючинской губы [СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 1. Д. 79. Л. 1; Миндалевич 2007: 24]. Вероятно, такое заключение было сделано после прочтения табличек Тыневилья, на одной из которых написано: «Там на /стойбище/ Кулючин людей много рукавицы делала тоже мама делала шкуры тоже делала оленье лапы тоже делала замшу мама на стойбище Кулючин» [СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 1. Д. 79. Л. 11].

Однако Ку(в)лючин — это чукотское название поселка Усть-Белая, а также горы, у подножья которой он находится, и реки Белой. Вот что писал И.С. Вдовин в своей полевой тетради об этом селении в 1957 г.: «Поселок колхоза 1-й Ревком Чукотки находится на правом возвышенном берегу р. Анадыря, немного ниже впадения р. Белой (Кулусиwэм). <...> Раньше это был поселок оседлых юкагиров и чуванцев, который назывался по-русски Усть-Белая. То же название он носит и теперь. По-чукотски он называется Кулусин, так же называется гора, у подножья которой расположен поселок» [Архив МАЭ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 59. Л. 17]. Аналогичным образом В.Г. Кузнецова, непрерывно проживавшая с оленеводами Амгуэмской тундры три года (с 1948 по 1951 г.), в своих полевых дневниках зафиксировала, что чукотским названием для Усть-Белой, а также реки, на которой он находится, является слово «Кулючин» [Архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 349. Л. 2; Д. 352. Л. 8]. Тыневиль впервые встретился с русскими колхозниками именно в районе р. Белой. В общем, есть все основания полагать, что он родом именно отсюда, а не с побережья Чукотского моря.

Не вполне ясно, была ли его семья оленеводческой или же жила исключительно рыболовным промыслом и континентальной охотой. Так или иначе, родители Тыневилья умерли, когда он был «еще маленький» [СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 1. Д. 79. Л. 11]. «Меня оставили отец умер также мать оставила умерла раньше», — писал изобретатель знаков [СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 1. Д. 79. Л. 11].

В разные периоды жизни до вступления в совхоз Тыневиль то занимался оленеводством, работая пастухом и стараясь сбегать и приумножить своих оленей, то оседал на реке и добывал себе пропитание рыбной ловлей. Придя пастухом в одно из стойбищ, Тыневиль познакомился со своей будущей женой Раулиной¹. Она была дочерью хозяина Вау, на которого он работал [Лавров 1969: 26]. По ее воспоминаниям, Тыневиль «делать слова начал, когда родились три сына» [Лавров 1969: 26] (всего в семье было четверо детей) [Сергеев 1956: 146]. Согласно В.Г. Богоразу, это произошло во второй половине 1920-х гг. [СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 1. Д. 79. Л. 1].

В различных описаниях упоминается случай (точнее случаи) утраты Тыневилем личных оленей. Следствием этого, согласно одним повествованиям, становилось превращение Тыневиля в пастуха, согласно другим — в оседлого чукчу.

Например, жена Тыневиля, Раулина, уже будучи вдовой, вспоминала: «Был Тыневиль. Было стадо. Богатые оленеводы отобрали. Бедствовал. Пошел батрачить. Стал пасти оленей у моего отца Вау» [Лавров 1969: 26].

М.А. Сергеев узнал от супругов И.В. и С.М. Друри, которые являлись директором и зоотехником Усть-Бельского совхоза соответственно, а также «друзьями» Тыневиля, что создатель письма был кочевником-олeneводом, но «потерял оленей и превратился в “сидячего” (оседлого) жителя одного из притоков реки Белой, в среднем течении Анадыря» [Сергеев 1956: 145–146].

Сам Тыневиль записал на дощечках: «Они /люди стойбища/ Утенки отняли стадо однако я сын один давно я слаб действительно прежде мой так что я тайно на тундре плакал только так однако я слаб однако еще меня мать не покинула как вдруг на реку я ушел» [СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 1. Д. 79. Л. 9].

А.М. Миндалевич приводит еще одну версию «оседания» Тыневиля на реке [Миндалевич 2007: 30–39]. Его повествование литературно и даже драматично, но сложно сказать, насколько достоверно. Вкратце история была следующей. Могушественные шаманы решили, что умение Тыневиля «разговаривать» при помощи знаков — не что иное, как шаманский дар. Они настаивали, чтобы он принял призыв. Но Тыневиль сомневался. В конечном счете он отказался стать шаманом, поэтому вынужден был со своей семьей покинуть оленеводов и перебраться на один из притоков р. Белой, где стал добывать средства к существованию рыболовством и охотой на пушного зверя.

¹ И.П. Лавров жену Тыневиля называл Раглине [Лавров 1969: 26], а М.А. Сергеев — Раулиной [Сергеев 1956: 146].

Видимо, приведенные истории относятся к разным периодам его жизни. Отмечу также, что Тыневиль и его семья жили бедно и часто испытывали сильную нужду. В текстах табличек содержится много жалоб на их полуголодное существование.

«Теперь как раз боюсь оленных сыновей трое однако телята дохнут также боятся сыновья все олени дохнут много мы боимся все теперь» [СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 1. Д. 79. Л. 9].

«Теперь тоскуем все я все сыновья только все мать я тоскуем однако лето наступает боимся олени передохнут много однако боюсь много больных оленей много испытали недавно» [СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 1. Д. 79. Л. 9].

«Давно мы питались морошкой все равно поедали мы также шкуру тогда кое-как жили мы совсем мало ели завидовали мы стаду мы с тех пор имеем зависть» [СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 1. Д. 79. Л. 9].

«Также только так спали так себе много исхудали мы только кое-как жили совсем» [СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 1. Д. 79. Л. 9].

«Наш дом еще был на реке там все трое сыновья слабые давно я еще не мог рыбачить говорит Тыневиль так что теперь к русским хотим стадо наше действительно так же однако будет пусть пускай так себе просто» [СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 1. Д. 79. Л. 9].

«На реке жили мы однако сетей не было чем промышлять совсем нету не можем кое-как жили так что рыбу хариуса этим питались» [СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 1. Д. 79. Л. 12].

В начале 1930-х гг. Тыневиль знакомится с А.М. Миндалевичем и другими участниками экспедиции Арктического института, а также с русскими людьми, занимавшимися созданием Усть-Бельского совхоза. Они предложили Тыневиллю и его семье работать у них. Он «хотел к русским» и принял предложение, став старшим бригадиром оленеводческой бригады [Сергеев 1956: 146].

Здесь Тыневиль с головой ушел в работу по совершенствованию письменности. В совхозе упоминавшиеся ранее супруги Друри, а также другие сотрудники сочувствовали ему и всячески поощряли его занятия: обеспечивали его бумагой и карандашами, сделали деревянный ящик, который служил ему столом и хранилищем для записей, выдавали свечи. Кроме того, его фактически освободили от обязанностей пастуха: за оленями ухаживали сыновья, сам же Тыневиль занимался письменами [Сергеев 1956: 147]. Тыневиль прожил в совхозе до самой смерти в возрасте 40–45 лет, которая произошла то ли в 1937 [Сергеев 1956: 146], то ли в 1944 г. [Лавров 1969: 26].

Сферы применения и функции письма Тыневилья

Таков в самых общих чертах жизненный путь создателя «чукотской письменности», которая находила разнообразное применение. Известно, что с помощью своих знаков Тыневиль вел хозяйственные записи по учету совхозных оленей. Колхозное строительство шло рука об руку с бюрократизацией чукотских хозяйств и стимулировало развитие письменности. Ведь люди теперь должны были делать записи в кооперативах, советах, комитетах взаимопомощи [Сергеев 1955: 286]. Поэтому, когда Тыневиль попал в совхоз, его изобретение оказалось востребованным. Став бригадиром оленеводческой бригады, он начал вести дневник о состоянии совхозных оленей [СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 1. Д. 79. Л. 1]. Русские работники всячески поощряли его занятие, обеспечивали необходимыми материалами и говорили о полезности таких записей [Лавров 1969: 26].

Использовал ли он свое изобретение в хозяйственно-экономической деятельности до переселения в совхоз — сказать трудно. С.Н. Стебницкий, говоря о коряках, писал, что еще до Октябрьской революции коряки пользовались «картинным письмом» [Стебницкий 1934: 53]. Охотник записывал «обычно, сколько он убил тюленей, лисиц, сколько шкурок того или иного зверя сдано им в факторию, какие товары и в каком количестве взяты им для себя или для товарищей, сколько выловлено рыбы» [Стебницкий 1934: 53]. Возможно, Тыневиль вел аналогичные записи. Во всяком случае, как отметил еще И.П. Лавров, его письменная лексика отражала «круг традиционных интересов оленеводов, охотников и рыбаков» [Лавров 1969: 27].

Это действительно так. Во-первых, обращает на себя внимание дробная лексика для названий разных видов рыб — всего на табличках встречаются начертания для пятнадцати пород [СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 1. Д. 79. Л. 45]. В этнографической литературе чукчи стереотипно представляются как оленеводы и морские зверобои. Письмо Тыневилья подчеркивает значимость такой хозяйственной практики как рыболовство. Со второй половины XIX в. некоторые чукчи, кочевавшие в районе Анадыря, но растерявшие своих оленей, оседали на берегу реки и добывали себе пропитание исключительно охотой и рыболовством [Вдовин, Батьянова 2010: 518]. В.Г. Кузнецова в середине XX в. писала, что чукчи вокруг Анадыря теперь не имеют оленей и поселились на берегах рек, став рыбаками [Архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 343. Л. 42 об.]. Таким обедневшим оленеводом и был Тыневиль. Во-вторых, его лексика указывает на актуальность континентальной охоты: Тыневиль придумал особые знаки для волка (ил. 11), песца (ил. 12), красной лиси-

цы (ил. 13), сиводушки (ил. 14), чернобушки (ил. 15), голубого песца (ил. 16), зайца (ил. 17) [СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 1. Д. 79. Л. 45–46]. В-третьих, «словарь» включает и «слова», связанные с оленеводством [СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 1. Д. 79. Л. 42–43, 46–48, 51]. Примечательно, что им были созданы графемы для обозначения не только оленей, стада, но и разных видов деятельности оленевода: «стадо разрежьте» (ил. 18), «поkochевали» (ил. 19) [СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 1. Д. 79. Л. 48, 51]. Данные графемы, а также, например, знак «богатый оленевод» (ил. 20) [СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 1. Д. 79. Л. 47] напоминают о присутствии человека, взаимодействующего с оленями, стадом.

Изобретенные Тыневилем знаки перекликаются с его биографией: в разные периоды жизни он был больше погружен то в оленное дело, то в рыболовство и охоту. Морским зверобойным промыслом он, по всей видимости, не занимался, хотя и придумал также значки, связанные с этой хозяйственной деятельностью: ремень (ил. 21), тюленья шкура (ил. 22), шкура лахтака (ил. 23), полшкуры лахтака (ил. 24), обрез (кусок) шкуры лахтака (ил. 25) [СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 1. Д. 79. Л. 48]. Однако это значки другого рода: как можно видеть, это обозначения не самих зверей и тем более не действий человека, связанных с их добычей, а продуктов, сырья, получаемых в результате добычи этих животных. Тыневиль приобретал их, видимо, путем обмена, как и все жители тундры. Он также создал знаки для обозначения предметов, которые чукчи выменивали у русских, американцев, норвежцев: сахара (ил. 26), банки с сахаром (ил. 27), муки (ил. 28), банки с керосином (ил. 29), свечки (ил. 30), кастрюльки (ил. 31), ложки (ил. 32), белого чайника (ил. 33), широкого чайника (ил. 34), медного чайника (ил. 35), чайника (ил. 36), папироски (ил. 37) [СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 1. Д. 79. Л. 44, 46, 48–49].

Обменные практики часто стимулировали создание письменности, ведь у торговцев была насущная потребность в символических обозначениях для фиксации движения товаров. С ростом товарооборота эта потребность также возрастала. Именно среди них — работников факторий и торгово-заготовительных баз — происходило неоднократное изобретение знаковых систем в 1920–1930-е гг. [Стебницкий 1934: 53–54; Леонтьев 1967: 192–193]. В.В. Леонтьев перечисляет конкретные имена этих изобретателей: Аймет (село Энурмино), Гемауги (село Нунымо), Чаре (село Сешан), Ренто (село Чегитун) и, конечно, Антымавле [Леонтьев 1967: 192–193], которого писатель сделал главным героем своего рассказа «Антымавле — торговый человек» [Леонтьев 1974]. Будучи торговцем, Антымавле вел отчетность с помощью придуманного им письма: «Сыпучие продукты он обозначал контурами мешков с одним-двумя

ушками, чай — квадратиками, заготовки — контурами зверей» [Леонтьев 1967: 192–193]. Все упомянутые выше изобретатели были именно торговцами, не знавшими грамоты, но испытывавшими практическую потребность в письме для фиксации информации о процессе обмена.

Но интенсивная торговля существовала на Чукотке и ранее и велась не только между разными группами оленных и приморских людей, но также с представителями индустриальных обществ. Среди чукчей даже сформировался особый вид промысла — посредничество в обмене [Ярзуткина 2011: 179]. Его осуществляли так называемые «кавралъты» («поворотчики»), которые разъезжали по Чукотке с товарами и проводили обмен с целью получения прибыли [Богораз 1934б: 4, 88; Вдовин 1964: 123–124; 1965: 270; Куликов 2002: 98]. Их влияние и количество на протяжении всего XIX в. на Чукотке возрастали в связи с развитием торговли, появлением большого количества европейских и американских товаров [Ярзуткина 2011: 179].

Использовали ли чукотские торговцы письменные знаки? Подтверждением положительного ответа на данный вопрос является рисунок, опубликованный В.Г. Богоразом в одной из ранних работ (ил. 4) [Богораз 1913: 15]. Рисунок был сделан и прокомментирован чукчей по просьбе исследователя. На нем изображено стойбище богатого торговца. Можно видеть многочисленные шкурки пушных зверей: песцов, росомех, лисиц, развешенные на веревках. Повсюду стоят тюки с уложенными в них товарами. Практически возле каждого такого скарба нарисованы значки (внешне, кстати, напоминающие графемы Тыневилья). В.Г. Богораз думал вначале, что это тамги, но чукотский художник опроверг его предположение. Исследователь даже написал, что автор рисунка сам не понимает смысла этих знаков. Но далее он добавил, что, по словам автора рисунка, значки стоят возле тех тюков, где лежат однородные товары: олени шкуры, ремни, кожи, ткани, ружья, а там, где товары смешаны, знаки отсутствуют. Таким образом, можно предположить, что уже в XIX в. в торговом деле, а может быть и более широко, использовались знаки-символы для обозначения отдельных категорий предметов.

Но Тыневиль был не торговым человеком, а бедным пастухом, рыболовом, охотником. Конечно, он участвовал в обменных отношениях, как и все чукчи, но большой необходимости в учете движения товаров у него не было. Еще раз повторяю, что прямых указаний на то, что Тыневиль использовал письмо в хозяйственной деятельности до переселения в совхоз, я не встречала.

Кроме того, как уже отмечалось, его письмо выходило за рамки счетно-учетной системы: лексика Тыневиля позволяла не просто перечислить те или иные объекты, а рассказать целую историю, наполнив ее эмоциями и отношением самого автора к ней. Особенно примечательно обилие союзов, наречий и вводных слов, характерных для чукотского красноречия [Богораз 1934а: 9].

Тыневиль иногда переписывался со своими родственниками и знакомыми [Сергеев 1956: 148; Лавров 1969: 26], т.е. использовал свою систему в целях коммуникации. По словам А.М. Миндалевича, в 1931 г. созданная письменность «в основном была уже распространена среди целого ряда кочевых туземных групп Бельского и Танюерского района» [Миндалевич 1934: 196]. Правда, М.А. Сергеев писал о склонности исследователей преувеличивать масштабы бытования изобретения Тыневиля и отмечал, что его письма «так и не вышли за пределы семьи и совхоза» [Сергеев 1955: 290]. Так или иначе, даже на весьма локальном уровне письмо Тыневиля способствовало интенсификации социально-коммуникативных связей между людьми. Однако насколько широко данная практика применялась и каков был предмет переписки, неизвестно. Вполне вероятно, что с помощью «писем» происходил обмен новостями, передавались просьбы и предупреждения. Но такая форма коммуникации вряд ли была интенсивной. Один из сыновей Тыневиля, Егор, рассказал И.П. Лаврову, что писал отцу за всю жизнь только два раза: один раз из оленсовхоза в тундру, а второй — из Уэлькаля, где он проходил военную службу [Лавров 1969: 26].

Более того, по версии М.А. Сергеева, на первых порах Тыневиль делал записи исключительно для себя и только после переселения в совхоз «вышел за пределы этого личного интереса» [Сергеев 1956: 146]. Автор описывает первый случай использования писем для переписки следующим образом: «Как-то понадобились срочно капканы, а в совхозе их не оказалось, — писал М. А. Сергеев. — Тогда Тынеуиль послал записку младшему сыну, учившемуся в школе на Усть-Белой. Мальчик прочел, сказал учительнице, та — продавцу кооператива, и капканы тотчас прислали. <...> Вслед за тем письма его вышли за пределы семьи» [Сергеев 1956: 148]. Таким образом, хотя письмо и стало в какой-то момент использоваться как средство коммуникации, изначально оно имело какое-то другое применение.

Полагаю, что смыслы изобретения Тыневиля нужно искать не столько в плоскости возможной практической применимости знаковых систем в повседневной жизни, сколько в «палитре

эмоций», открывающейся перед тем, кто постиг искусство письма. В этой связи примечательно, что Тыневиль в основном использовал письмо для ведения дневниковых записей [Сергеев 1956: 147; Лавров 1969: 26–27]. «Он писал о погоде и ее изменениях, о новых, появившихся лицах, а больше всего о своем совхозе» [Сергеев 1955: 289–290]. Тыневиль делал записи ежедневно и любил перечитывать их по вечерам. Изобретение знаков, несомненно, открывало создателю новые возможности обращения к своему прошлому и своей памяти.

Данное свойство письменности было детально раскрыто А.О. Большаковым на египетском материале [Большаков 2001]. Оно также может быть продемонстрировано и на других примерах. С.В. Иванов описал использование рисунчатого письма неграмотным кладбищенским сторожем из города Тара в Омской области. Этот человек в течение многих лет вел своеобразный дневник, куда ежедневно заносил случившиеся с ним события [Иванов 1940: 23]. Следовательно, он писал именно для памяти. Разного рода «знаки-памятки» существовали и у многих сибирских народов. Например, нивхи на специальных деревянных ковшах, использовавшихся во время «медвежьего праздника», «рассказывали» истории добычи меда. Рассматривая вырезанные на них знаки, люди во время пиршества вспоминали и обсуждали обстоятельства охоты [Крейнович 1934: 184–186; Иванов 1940: 24]. Манси вырубали мемориальные охотничьи знаки на деревьях неподалеку от мест, где был убит зверь [Иванов 1940: 24]. Тофалары, эвенки также отмечали на деревьях произошедшие с ними события [Иванов 1940: 24]. Таким образом, связь письма и памяти представляется достаточно сильной.

Параллельно с этим, чтобы понять, что значило письмо для Тыневиля, необходимо вспомнить об отношении чукчей к феномену письменности в принципе. Способность русских и американцев разговаривать на бумаге удивляла и даже поражала их. Такое ее восприятие нашло отражение в художественной литературе. «Это чудо», — воскликнул чукча Когот, главный герой романа Ю. Рытхэу «Магические числа», разглядывая русскую газету [Рытхэу 1986: 153]. «А откуда русские получили эти значки?» — с надеждой спрашивал он людей, мечтая про себя о чукотском письме [Рытхэу 1986: 153].

Социальная роль системы Тыневиля

С приходом советской власти интерес к письму среди чукчей даже возрос. Это было связано с тем, что люди видели и хорошо понимали те изменения, которые происходили в их обществе, и старались к ним приспособиться, извлечь из них

выгоду. М.А. Сергеев писал, что «чукчи и коряки предпочитают учиться русскому, а не родному языку, мотивируя это тем, что “они хотят скорее понимать русских”» [Сергеев 1955: 504]. Некоторые герои полевых дневников уже упоминавшейся В.Г. Кузнецовой имели «желание научиться говорить по-русски» и «при каждой встрече» старались запоминать «новые слова» [Архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 353. Л. 8]. Так, амгуэмский оленевод Номгыргын выучил их немало и знал, как сказать: «откуда пришел, здравствуй, снег, солнце садится, солнце взошло, спрашивать, много спрашивает, дым[овая] труба, сижу, шью, дайте прикурить» [Архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 353. Л. 8–8 об.]. А те чукчи, которые учились писать и считать, иногда просили исследовательницу помочь им с заданиями по арифметике, русскому языку и в прописи [Архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 336. Л. 14; Д. 371. Л. 8, 9; Д. 372. Л. 2 об.; Д. 378. Л. 3, 5–6; Д. 379. Л. 5–5 об.; Д. 393. Л. 9 об.–10]. Характерно, что отдельные обложки ее тетрадей исписаны буквами и словами, нанесенными, очевидно, не ее рукой, а того, чья рука еще неуверенно выводит буквы алфавита. Все это говорит о желании чукчей овладеть навыком письма.

О понимании чукчами идеологической силы письма свидетельствует одна из историй с известным лоринским шаманом Тамэни — активным борцом с советской властью. Присмотревшись к деятельности кочевой школы, он стал требовать фиксации его воззрений в печатном виде: «В этом вопросе Тамани доходил до требования к учителю Вдовину записать его учение, претворить его в книгу, подобно первому чукотскому букварю “Красная грамота”, после чего Тамани обещал послать детей в школу для изучения его “откровений”» [Хаховская 2013: 119].

В 1920–1950-е гг., в разгар колхозного строительства, письменность ассоциировалась с советизацией. И противоречивость отношения чукчей к Советскому государству переносилась на их отношение к письму. С одной стороны, в условиях набравшей темпы бюрократизации общества умение писать становилось ресурсом, обладание которым открывало перед людьми новые возможности: грамотный человек мог получить хорошую должность в колхозе или торгово-заготовительной базе, он разбирался в документации, которая появилась в тундре в связи с введением учета оленей и сбора налогов, мог ориентироваться в бумажных денежных знаках.

С другой стороны, вместе с осознанием преимуществ письма в условиях политики советизации, включавшей ненавистные коллективизацию, интернатную систему образования, искоренение «пережитков» прошлого, к письменным текстам и даже

просто бумаге чукчи нередко выказывали откровенно враждебное отношение. В.Г. Кузнецовой приходилось неоднократно с ним сталкиваться [Архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 367. Л. 60 об.; Д. 383. Л. 9 об.; Д. 390. Л. 14]. «Только пиешь», — не раз звучал упрек в ее адрес [Архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 367. Л. 60 об.; Д. 383. Л. 9 об.]. Летом 1949 г. чукчи даже выкинули ее полевые тетради за весь летний период [Архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 340. Л. 22–23]. Когда в стойбище происходило несчастье, например кто-то из жителей заболел, причину видели в исследовательнице, а именно в том, что она много пишет и часто — в самое неподходящее время (например, ведет записи во время ритуалов) [Архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 390. Л. 14].

Однажды девочка Раглина из стойбища, в котором жила В.Г. Кузнецова, зайдя в ярангу, услышала от своей матери, сморщившей нос: «От тебя пахнет русскими». Сидевший рядом чукча Каглё добавил: «Конечно, запахнет, так как Раглина возится с бумагами и пишет» [Архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 395. Л. 15]. Таким образом, дурной запах, запах русских, бумага и буквы переплетались воедино. В этом коротком диалоге концентрированно отражено сразу несколько наиболее значимых переживаний: негативное, настороженное и даже враждебное отношение к русским, их экспансии и, как следствие, к символу их культуры — письму.

Как показал Дж. Скотт в своей работе «Искусство не быть управляемым: анархистская история нагорий Юго-Восточной Азии», бесписьменность, наряду с пространственным расположением на периферии, физической мобильностью, типом хозяйственной деятельности, пластичностью социальной организации, эгалитаризмом, религиозной неортодоксальностью, может рассматриваться как адаптационный механизм, предназначенный для ухода людей от государственного влияния, как способ сопротивления попыткам государства подчинить население какой-либо территории [Scott 2009: 220–237]. Данная логика рассуждений может быть, пусть и с оговорками, применена и к Чукотке второй четверти XX столетия.

Многие чукчи, сопротивляясь экспансии Советского государства в их повседневной жизни, активно боролись с попытками последнего сделать их, оленеводов, охотников и рыбаков, грамотными. Особенно сильный протест у местного населения вызвали школы-интернаты. «Скажи, Варвара, чтоб не принуждали отдавать детей в калеткоран (школу. — *Е.Д.*)», — просила пожилая чукчанка Кыптынеут В.Г. Кузнецову [Архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 396. Л. 11 об.]. Многие чукотские шаманы боролись с распространением грамотности, среди пророчеств которых звучали следующие: «Не отдавайте детей в школу, а то

не будет зверя», «Когда дети пишут, в это время море сковывается льдом и зверя не бывает» [Хаховская 2013: 118–121]. Такие предсказания были весьма действенными. Так, «в ноябре 1931 г. в селении Инчоун из-за активного противодействия шаманов Омрынеута (в другом написании Имринеут) и Тыне-тегина, мобилизовавших на свою сторону все население, не удалось организовать передвижной пункт ликвидации неграмотности: работа ликпункта в Инчоуне была сорвана и перенесена в село Миткулен» [Хаховская 2013: 118].

Случай Тыневилья в общем тоже может быть осмыслен в рамках теории политического сопротивления. Однако он отличается от вышеописанной модели. Ведь Тыневиль не отрицал письмо, а создавал его. Придумывая знаки и используя их, он подражал русским, их умению разговаривать на бумаге. Примечательно, что мотив уподобления проявлялся также в других сферах его жизни, особенностях его поведения. Например, он по-русски «здоровался с рукой», носил куртку, стал пользоваться свечами, бумагой, карандашами (напомню, что изначально он писал на деревянных дощечках) [Сергеев 1956: 147; Лавров 1969: 26]. Жена его также поддерживала новшества: мыла посуду, стирала белье, обзавелась полотенцем, начала носить блузку, научилась варить суп с вермишелью и овощами [Сергеев 1956: 146–147].

Однако письмо не было простым копированием одного из маркеров другой культуры. В таком случае Тыневиль просто выучился бы алфавитному письму — кириллице, аналогично тому как он овладел навыком рукопожатия. Такая стратегия известна и уже описывалась на примере других регионов. Например, Дж. Скотт в своем исследовании горцев Зомии отмечал, что с ростом преимуществ от вовлеченности в государственную систему представители догосударственных обществ начинают проявлять интерес к письменности этого государства, обучаться ей [Scott 2009: 237]. Но Тыневиль пошел особым путем: подражая чужому письму, он создал собственное и противопоставил последнее первому. Таким образом, случай Тыневилья стоит рассматривать не как простое механистическое уподобление, а как способ переосмысления других и себя через подражательные действия.

Тыневиль, создавая изящные значки, опирался на свой культурный опыт, традиционные знания и представления. Чукчи, кстати, воспринимали рисование, черчение и письмо как нечто схожее по своей сути, так как называли их одним словом — «кэлик» [Молл, Инэнликэй 2005: 64]. Но при этом, будучи человеком своего времени, Тыневиль реагировал на те социальные изменения, которыми была отмечена первая половина

XX столетия. Полагаю, что его письмо стало «ответом» на специфические исторические условия, сложившиеся на Чукотке в начале XX в., когда происходила экспансия русской / советской культуры в рамках политики советизации коренного населения. В этой связи изобретение Тыневилья, как порождение и в то же время часть процесса конструирования новой социальной реальности, можно считать проявлением неотрадиционализма.

Термин «неотрадиционализм» неоднократно использовался различными исследователями, но не всегда они вкладывали в него один и тот же смысл. В целом под ним понимается симбиоз традиционализма и модернизма [Мадюкова, Попков 2011: 45]. Историографический обзор применения данного понятия можно найти в книге С.А. Мадюковой и Ю.В. Попкова «Феномен социокультурного неотрадиционализма» [Мадюкова, Попков 2011: 28–49]. В данной статье неотрадиционализм понимается достаточно широко: как процесс инкорпорации традиционной культуры в новую социальную реальность и их взаимодействие. Но использование данного подхода для анализа изобретения письменностей имеет некоторые особенности. Во-первых, не даются негативные или положительные оценки явления неотрадиционализма, как это делали многие исследователи, например А.И. Пика, который одним из первых стал использовать и разрабатывать данное понятие [Пика 1996: 47–53]. Во-вторых, предмет нашего анализа — явление, относящееся к первой половине XX в., а не к рубежу XX–XXI вв. Такое смещение временного периода при использовании термина представляется оправданным: именно 1920–1950-е гг. для коренных народов Севера стали временем начала трансформации их традиционного уклада жизни. Люди осмыслили эти перемены и реагировали на них.

Тыневиль сознательно противопоставлял свою знаковую систему русскому письму. Он говорил учительнице Мельниковой, которая показала ему кириллицу: «Если поймешь, что я пишу, обогатишься чукотским разумом» [Лавров 1969: 28]. До конца своей жизни он продолжал упорную работу по совершенствованию своей письменности, придумывая новые и упрощая старые знаки. Эволюцию некоторых из них можно проследить, сопоставляя графемы в работах В.Г. Богораза, А.М. Миндалевича и И.П. Лаврова. По вечерам он учил других чукчей писать и читать его знаки-слова, то есть стремился к распространению изобретенного письма среди чукчей [Сергеев 1956: 148; Лавров 1969: 26]. Возможно, он надеялся, что его творение сможет заменить внедрявшуюся, часто насильно, русскую письменность, конкурировать с ней. Именно этим

может быть объяснена его упорная работа по совершенствованию и распространению созданных им знаков. Многие относились с недоверием к занятию Тыневиля, но он говорил: «Учитесь! Должно быть у чукчей свое письмо» [Лавров 1969: 26]. Тыневиль гордился и радовался, когда его письменность оказывалась полезной для людей. В частности, после упоминавшейся истории с капканами «Тынеувиль был очень доволен» [Сергеев 1956: 148], что его письмо оказалось нужным для успешной деятельности совхоза.

Стратегия творческого подражания открыла Тыневилу возможность социального роста. Примечательна уже сама его биография, которая напоминает путь героев чукотских сказок. Он был сироткой, бедным пастухом, рыболовом, охотником, постоянно голодал. После изобретения письма отношение чукчей к нему изменилось. Он был даже близок к тому, чтобы стать шаманом [Миндалевич 2007: 30–32]. Он мог бы возглавить борьбу чукчей с советской властью: по свидетельству А.М. Миндалевича, другие шаманы склоняли его к этому [Миндалевич 2007: 30–32]. Однако Тыневиль выбрал иной путь: он пошел в совхоз, где стал бригадиром, уважаемым и знаменитым человеком, которого звали «профессором» [Лавров 1969: 26]. (Это, кстати, не мешало ему считать, что в него вселился дух оленного хозяина [Сергеев 1956: 149].) Таким образом, «изобретение» письма Тыневилем — это не только способ коммуникации или ведения хозяйственно-экономической деятельности, но и средство приобретения власти. Этот путь изобретательства, с одной стороны, предстает в виде подражания колонизатору — государству, а с другой — является продолжением традиций, уходящих в глубь веков и связанных со знаково-изобразительной деятельностью коренных народов Северо-Восточной Сибири. Как отмечал Дж. Лейп, «одна “культура” встречает другую, и инновационное мышление становится результатом» (цит. по: [Leach 2004: XIII]).

Случай Тыневиля как микроистория

Обозначенные выводы были сделаны на основе анализа биографии одного человека и его удивительного изобретения. Данный подход следует отнести к микроисторическому методу. Он предполагает изучение истории локальных территорий, небольших групп, отдельных семей и людей, событий. При нем внимание исследователя сосредоточено на частных явлениях из жизни людей прошлого. Таким образом, можно говорить о микроистории мест, событий, людей [Lepore 2001: 131]. Но главная особенность этого подхода заключается в специ-

фике не объекта исследования (будь то деревня, или какой-то человек, или какое-либо событие), а применяемого метода исследования. Суть этого метода сводится к тому, что уменьшается масштаб наблюдений, часто до уровня личных взаимодействий или частных жизненных историй. И это «делается не с целью поиска симпатичных “лиц”, чтобы проиллюстрировать оказываемое на них воздействие исторических процессов, а чтобы углубить наше понимание самих этих процессов» [Putnam 2006: 615]. Один из основателей микроистории, Джованни Леви, формулируя специфику микроисторического исследования, определил ее как «изучение явлений под микроскопом», которое позволит «увидеть факторы, ранее не замечавшиеся» [Levi 1991: 97]. В конечном счете через познание конкретного феномена (например, человеческой жизни, небольшой местности, частного жизненного эпизода) открываются общие закономерности, тенденции функционирования общества, эпохи, культуры.

Стоит отметить, что постоянная отсылка в работах микроисториков к макроистории, т.е. к более широким, нежели предмет их исследований, историческим и политическим контекстам, подвергалась критике. Как выразился С. Магнуссон, создателям и восприимчикам микроистории «не хватило уверенности в себе, чтобы сделать последний шаг и объявить, что их исследования могут стоять на своих собственных двух ногах» [Magnusson 2003: 711]. По мнению вышеупомянутого автора, ценность микроисторических исследований заключается не в том, что они позволяют лучше осознать глобальные исторические процессы, а в том, что они помогают глубже понять «мелкие явления», которые сами по себе важны и интересны для научного знания. Однако С. Магнуссон не отвергает привлечения сопоставительного материала и помещения изучаемого феномена в более широкий контекст идей о развитии обществ [Magnusson 2003: 721]. Исследователь, выбравший микроисторию в качестве аналитического метода, должен балансировать между двумя крайностями: увлечением глобальными процессами в ущерб задачам конкретного исследования и нетеоретичностью, когда отдельные события, истории, места не сопоставляются с другими частными явлениями и не рассматриваются в социокультурном и историческом контекстах.

Еще одной характерной особенностью работ, выполненных в рамках микроисторического подхода, является тенденция помещать в центр внимания исследования нетипичные примеры [Ginzburg, Tedeschi, Tedeschi 1993: 33; Magnusson 2003: 709–710]. Первостепенный интерес для микроисториков представляют люди и события, не соответствующие среднестатистиче-

ской норме эпохи и культуры, к которой они принадлежат, и подпадающие под понятие «нормальное исключение», введенное Э. Гренди (цит. по: [Медик 1994: 198]). Классический пример обращения автора к маргинальному, нестандартному персонажу — исследование К. Гинзбургом жизни и духовных исканий одного фриульского мельника, который во времена абсолютной идеологической власти Церкви выступил с альтернативной картиной мира [Гинзбург 2000].

Пример Тыневиля представляет собой «нормальное исключение». Он также позволяет увидеть в миниатюре более широкие тенденции своего времени: взаимоотношения чукчей и других коренных народов Севера с советской властью в 1920–1930-е гг., которые были не столь прямолинейны и схематичны, как может показаться на первый взгляд. Как отметил Н.Б. Вахтин (работа которого, кстати, служит подтверждением того, что случай Тыневиля не был исключением; напротив, можно найти множество параллелей и других примеров выбора «компромиссного пути» коренными жителями Сибири), «на протяжении нескольких десятилетий — примерно с 1920-х по середину 1950-х гг. — советская идеология сплеталась с традиционными верованиями и практиками, образуя, в особенности в среде местных элит, сложное самодостаточное единство» [Вахтин 2005: 185]. Невозможно поделить людей, живших в то время, на сторонников и противников советизации: «колхозников», с одной стороны, и «шаманов и кулаков» — с другой. Каждый человек имел свое понимание происходивших процессов, и оно не сводилось к двум полюсным мнениям — «за» преобразования или «против» них. Люди действовали по ситуации, осуществляя не столько политическое сопротивление государству, сколько диалог с ним.

Итак, вспоминая исторический контекст и биографию Тыневиля, можно заключить, что изобретенная письменность нужна была ему, чтобы сохранить себя. Она являлась своего рода внутренним компромиссом, формой взаимодействия с действительностью, диалогом с новой властью — Советским государством. Ведь письмо одновременно позволяло ему и быть в лагере сторонников социалистического строительства (устроители Усть-Бельского совхоза восхищались чукотским гением и умилялись ему), и в то же время противопоставить себя — чукчу — русским людям.

Список сокращений

МАЭ РАН — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург

СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Архивные материалы

- Архив МАЭ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 59. Вдовин И.С. Усть-Белая и Снежная. Колхоз имени 1-го Ревкома Чукотки. Август-сентябрь 1957 г. 81 л.
- Архив МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 336. Кузнецова В.Г. О материальной и духовной культуре чукчей. Амгуэмская тундра. Декабрь-январь 1948 г. 71 л.
- Архив МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 340. Кузнецова В.Г. О материальной и духовной культуре чукчей. Амгуэмская тундра. Август-октябрь 1949 г. 60 л.
- Архив МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 342. Кузнецова В.Г. О материальной и духовной культуре чукчей. Амгуэмская тундра. Февраль 1950 г. 56 л.
- Архив МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 349. Кузнецова В.Г. О материальной и духовной культуре чукчей. Амгуэмская тундра. Август 1950 г. 11 л.
- Архив МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 352. Кузнецова В.Г. О материальной и духовной культуре чукчей. Амгуэмская тундра. Август 1950 г. 11 л.
- Архив МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 353. Кузнецова В.Г. О материальной и духовной культуре чукчей. Амгуэмская тундра. Август 1950 г. 13 л.
- Архив МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 367. Кузнецова В.Г. О материальной и духовной культуре чукчей. Амгуэмская тундра. Январь 1951 г. 97 л.
- Архив МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 371. Кузнецова В.Г. О материальной и духовной культуре чукчей. Амгуэмская тундра. Февраль 1951 г. 12 л.
- Архив МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 372. Кузнецова В.Г. О материальной и духовной культуре чукчей. Амгуэмская тундра. Февраль 1951 г. 12 л.
- Архив МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 378. Кузнецова В.Г. О материальной и духовной культуре чукчей. Амгуэмская тундра. Март 1951 г. 13 л.
- Архив МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 379. Кузнецова В.Г. О материальной и духовной культуре чукчей. Амгуэмская тундра. Март 1951 г. 13 л.
- Архив МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 383. Кузнецова В.Г. О материальной и духовной культуре чукчей. Амгуэмская тундра. Март 1951 г. 13 л.
- Архив МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 390. Кузнецова В.Г. О материальной и духовной культуре чукчей. Амгуэмская тундра. Апрель 1951 г. 17 л.
- Архив МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 393. Кузнецова В.Г. О материальной и духовной культуре чукчей. Амгуэмская тундра. Июнь 1951 г. 27 л.
- Архив МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 395. Кузнецова В.Г. О материальной и духовной культуре чукчей. Амгуэмская тундра. Июль 1951 г. 40 л.

Архив МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 396. Кузнецова В.Г. О материальной и духовной культуре чукчей. Амгуэмская тундра. Июль 1951 г. 42 л.

СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 1. Д. 79. Богораз В.Г. Новые письма чукотских оленеводов. Машинопись с авторскими поправками. Без даты. 71 л.

Источники

Беретти Н.Н. На крайнем Северо-Востоке. Владивосток: Изд. Владивостокского Русского географического об-ва, 1929. 92 с.

Богораз В.Г. Луораветланский (чукотский) язык // Языки и письменность народов Севера: Языки и письменность палеоазиатских народов. М.; Л.: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1934а. Ч. 3. С. 5–46.

Богораз В.Г. Чукотские рисунки: с 24 таблицами рисунков в тексте. М.: Типо-литография Т-ва И.Н. Кушнерев и Ко, 1913. 24 с.

Богораз В.Г. Чукчи: Авторизованный пер. с англ.: В 2 ч. Л.: Изд-во Ин-та народов севера ЦИК СССР, 1934б. Ч. 1. 191 с.

Богораз В.Г. Чукчи: Религия: Авторизованный пер. с англ.: В 2 ч. Л.: Изд-во Главсевморпути, 1939. Ч. 2. 194 с.

Головнев А.В. Пространственный эскиз петроглифов Пегтымеля (по полевым наблюдениям 1999 г.) // Интеграция археологических и этнографических исследований: Сб. науч. тр. Владивосток; Омск: ОмГУ, 2000. С. 185–188.

Иванов С.В. Первобытные формы письма у народов Сибири // Наука и жизнь. 1940. № 8–9. С. 23–26.

Иванов С.В. Чукотско-эскимосская гравюра на кости // Советская этнография. 1949. № 4. С. 107–124.

Иохельсон В.И. Одульский (юкагирский) язык // Языки и письменность народов Севера: Языки и письменность палеоазиатских народов. М.; Л.: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1934. Ч. 3. С. 149–180.

Крейнович Е.А. Нивхский (гиляцкий) язык // Языки и письменность народов Севера: Языки и письменность палеоазиатских народов. М.; Л.: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1934. Ч. 3. С. 181–222.

Лавров И.П. Чукотский феномен // Техника — молодежи. 1969. № 3. С. 26–28.

Леонтьев В.В. Письменность и пути повышения грамотности чукчей // История и культура народов севера Дальнего Востока. М.: Наука, 1967. С. 192–207.

Миндалевич А.М. Иероглифическая письменность чукчей // Arctica. Л.: Издание Всесоюз. арктического ин-та, 1934. Кн. 2. С. 191–197.

Миндалевич А.М. Чукотские иероглифы // Чукотская литература: Материалы и исследования. М.: Литературная Россия, 2007. С. 22–40.

Рытхэу Ю. Магические числа: Роман и повести. Л.: Сов. писатель. Ленингр. отд-ние, 1986. 428 с.

- Сергеев М.А.* Изобретатели письменности // На Севере дальнем. 1956. № 4. С. 141–149.
- Сергеев М.А.* Некапиталистический путь развития малых народов севера. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 569 с.
- Стебницкий С.Н.* Нымыланский (коряцкий) язык // Языки и письменность народов Севера: Языки и письменность палеоазиатских народов. М.; Л.: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1934. Ч. 3. С. 47–84.
- Тишков В.А.* Тундра и море: Чукотско-эскимосская резьба по кости. М.: Индрик, 2008. 160 с.
- Hoffman W.S.* The Graphic Art of the Eskimos. Washington: Government printing office, 1897. 968 p.

Библиография

- Большаков А.О.* Человек и его двойник. СПб.: Алетейя, 2001. 288 с.
- Вихтин Н.Б.* Традиция и инновации в культуре: три этюда на тему «выбор пути» // Ad Nominem. Памяти Николая Гиренко. СПб.: МАЭ РАН, 2005. С. 177–192.
- Вдовин И.С.* Очерки истории и этнографии чукчей. М.; Л.: Наука, 1965. 403 с.
- Вдовин И.С.* Торговые связи населения Северо-Востока Сибири и Аляски (до начала XX века) // Летопись Севера. М.: Мысль, 1964. Т. 4. С. 117–127.
- Вдовин И.С., Батьянова Е.П.* Чукчи. Хозяйство и материальная культура // Народы Северо-Востока Сибири. М.: Наука, 2010. С. 517–543.
- Гинзбург К.* Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. М.: РОССПЭН, 2000. 272 с.
- Истрин В.А.* Развитие письма. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 394 с.
- Истрин В.А.* Возникновение и развитие письма. М.: Наука, 1965. 596 с.
- Кондратов А.М.* Книга о букве. М.: Сов. Россия, 1975. 222 с.
- Куликов М.И.* Чукотка. Зигзаги истории малых народов Севера: Моногр. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2002. 496 с.
- Леонтьев В.В.* Антымавле — торговый человек: Повести, рассказы, новеллы. М.: Сов. Россия, 1974. 350 с.
- Мадюкова С.А., Попков Ю.В.* Феномен социокультурного неотрадиционализма. СПб.: Алетейя, 2011. 131 с.
- Медик Х.* Микроистория // Thesis. 1994. № 4. С. 193–202.
- Молл Т.А., Инэнлиэкэй П.И.* Чукотско-русский словарь: Пособие для учащихся 5–9 классов общеобразовательных учреждений. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: филиал изд-ва «Просвещение», 2005. 239 с.
- Пижа А.И.* Неотрадиционализм на российском Севере: идти в будущее, не забывая прошлое // Социологические исследования. 1996. № 11. С. 47–53.
- Фридрих И.* История письма. М.: Наука, 1979. 463 с.

- Хаховская Л.Н.* Шаманы и советская власть на Чукотке // Вопросы истории. 2013. № 4. С. 113–128.
- Ярзуткина А.А.* Торговля в традиционной культуре коренных народов Чукотки: коммуникативный аспект // Традиционная и современная культура: История, актуальное положение, перспективы: Материалы междунар. науч.-практ. конф., 20–21 сентября 2011 г. Пенза; М.; Минск: Науч.-издат. центр «Социосфера», 2011. С. 168–186.
- Ginzburg C., Tedeschi J., Tedeschi A.* Microhistory: Two or Three Things That I Know about It // Critical Inquiry. 1993. Vol. 20. No. 1. P. 10–35.
- Leach E.* Creativity Land: Place and Procreation on the Rai Coast of Papua New Guinea. N.Y.; Oxford: Berghahnbooks, 2004. 236 p.
- Lepore J.* Who Love Too Much: Reflections on Microhistory and Biography // The Journal of American History. 2001. Vol. 88. No. 1. P. 129–144.
- Levi G.* On Microhistory // New Perspectives on Historical Writing. Cambridge: Polity Press, 1991. P. 93–113.
- Putnam L.* To study the Fragments / Whole: Microhistory and the Atlantic World // Journal of Social History. 2006. Vol. 39. No. 3. P. 615–630.
- Magnusson S.G.* The Singularization of History: Social History and Microhistory within the Postmodern State of Knowledge // Journal of Social History. 2003. Vol. 36. No. 3. P. 701–735.
- Scott J.* The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia. New Haven; L.: Yale University Press, 2009. 442 p.

*Приложение***Подстрочные переводы автобиографических записей Тыневилья**

(СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 1. Д. 79. Богораз В.Г. Новые письма чукотских оленеводов. Машинопись с авторскими поправками. Без даты. Л. 9–12.)

Говорит человек близкий так себе пусть я уйду действительно тем не менее пускай сам так себе я к стаду близко волк ходит след однако.

Следы оттуда только близко волк вчера ночью другой волк убил теленка другой после того раньше тоже убил важенку не знал я сам не знал действительно.

Один хороший человек один худой человек один обманщик человек один вороватый человек, один тайно ест человек один оленей крадет сам человек также он крадет соседних оленей человек видит так что хозяин после того бранится так что уходит человек побывает на стойбище и опять-таки его отвергают повсюду он бывает.

Еще сам так жил люди близко оленные также худые все.

Теневиль говорит кое-как я сам сыновей вырастил однако сам один рыбу ловил.

Сам делал сети так что много убили сами также сыновья подросшие.

Раньше давно богатый отвергал бедного он мало ел раньше богатый сам один ел бедные только завидовали теперь вместе едим хорошо.

Там на /стойбище/ Кулючин людей много рукавицы делала тоже мама делала шкуры тоже делала оленье лапы тоже делала замшу мама на стойбище Кулючин.

Наш дом еще был на реке там все трое сыновья слабые давно я еще не мог рыбачить говорит Тыневиль так что теперь к русским хотим стадо наше действительно так же однако будет пусть пускай так себе просто.

Давно мы питались морошкой все равно поедали мы также шкуру тогда кое-как жили мы совсем мало ели завидовали мы стаду мы с тех пор имеем зависть.

Также только так спали так себе много исхудали мы только кое-как жили совсем.

Теперь тоскуем все я все сыновья только все мать я тоскуем однако лето наступает боимся олени передохнут много однако

боюсь много больных оленей много испытали недавно однако боимся мы хотим к русским.

Теперь как раз боюсь оленных сыновей трое однако телятадохнут также бояться сыновья все оленидохнут много мы боимся все теперь сыновья все также мать однако какая будет оленья удача.

Они /люди стойбища/ Утенки¹ отняли стадо однако я сын один давно я слаб действительно прежде мой так что я тайно на тундре плакал только так однако я слаб однако еще меня мать не покинула как вдруг на реку я ушел.

Так что ели сами стали жить хорошо он вырос совсем кое-как давно совсем маленький слабый он однако мой отец тогда Теневиль сказал еще маленький я однако меня оставил отец умер также мать оставила умерла раньше.

Теневиль очень также ружьем стреляет убивает диких оленей много с тех пор также зайцев убивает также капканом также еще лисиц близко много на стойбище также песцов также куропатку убивает также убивает много.

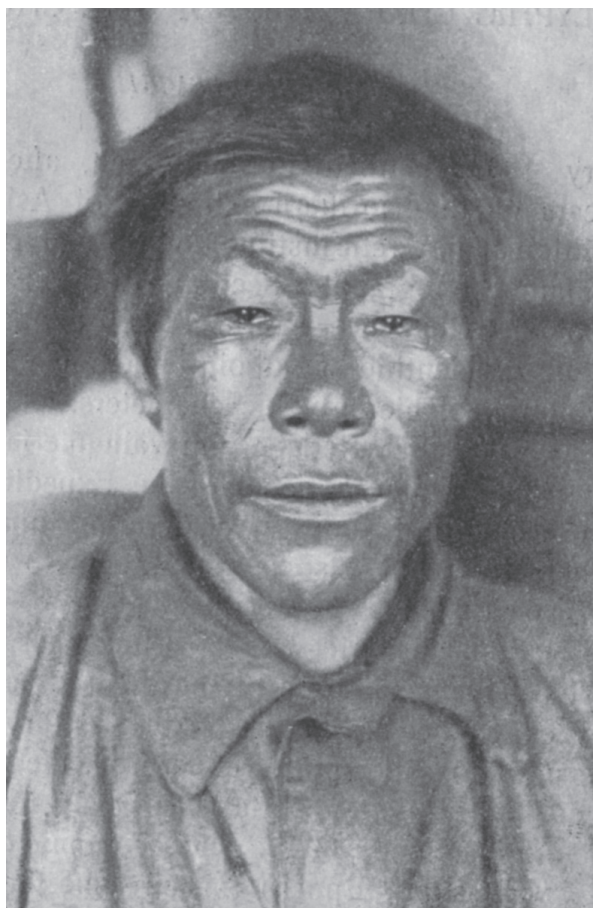
Русская еда земляная делают все однако еда право однако всю делают еду много делают земляной еду делают чай делают табак делают молоко много всю делают еду.

Прежде все что угодно много все сахар что бы ни было мука народ там все ездят парходчики русские американцы японцы китайцы разные русские.

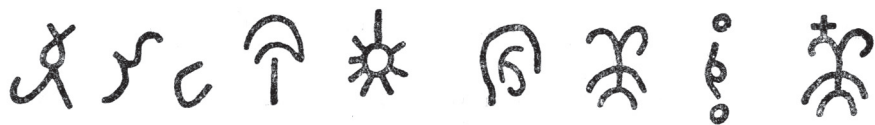
Некогда мой отец еще слаб я был сказал отгоните.

На реке жили мы однако сетей не было чем промышлять совсем нету не можем кое-как жили так что рыбу хариуса этим питались мы трое сыновей выросли мы стали хорошо совсем с тех пор с этих пор хорошо.

¹ Графема «Утенки» имеет очертания человека, имя хозяина стойбища указано в переводе Цибектаровой.

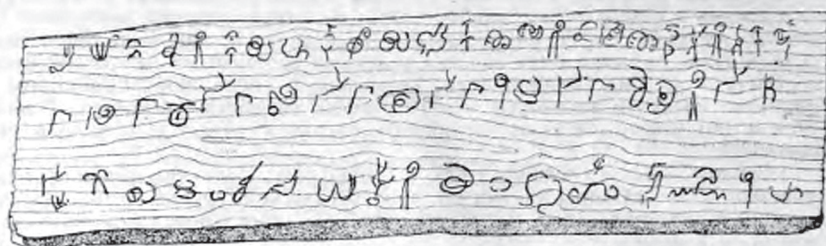

Ил. 1. Тыневиль (Миндалевич А.М. Иероглифическая письменность чукчей // *Arctica*. Л.: Издание Всесоюз. арктического ин-та, 1934. Кн. 2. С. 192)

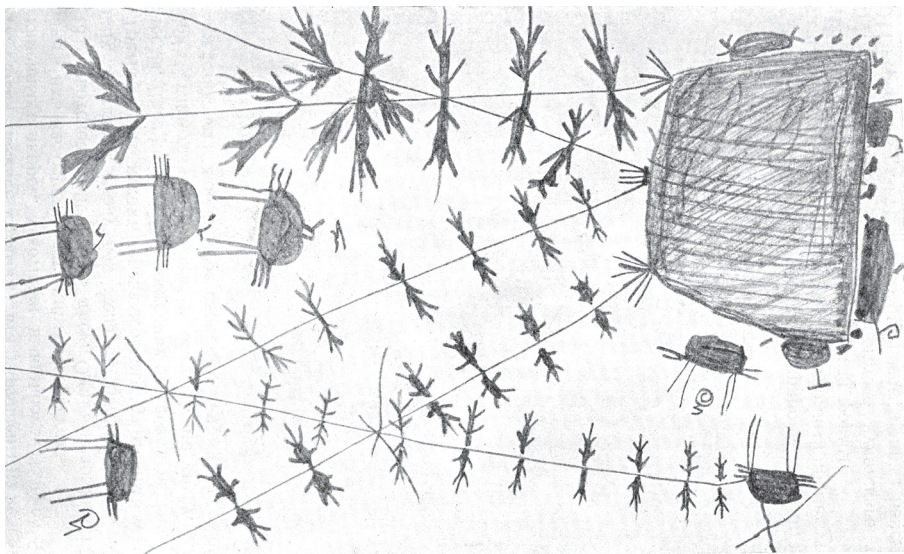
Died the soul flew to the superior being which lives farther than the sun sent back to the crossing of the road where a woman awaits a child the soul entered the woman to be born again.

Ил. 2. Запись Тыневилля с подстрочным переводом
(Миндалевич А.М. Иероглифическая письменность чукчей // Arctica.
Л.: Издание Всесоюз. арктического ин-та, 1934. Кн. 2. С. 194)

другой человек мастероватый другой человек тайно человек оленей сам то же
 хороши худой другой человек вороватый другой ест другой крадет человек

Ил. 3. Запись Тыневилля с подстрочным переводом
(Богораз В.Г. Луораветланский (чукотский) язык // Языки и письменность
народов Севера: Языки и письменность палеоазиатских народов.
М.; Л.: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1934а. Ч. 3. С. 10)

Ил. 4. Чукотский рисунок «Жилище богатого торговца мехами».
(Богораз В.Г. Чукотские рисунки: с 24 таблицами рисунков в тексте.
М.: Типо-литография Т-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1913. С. 15)

Ил. 5. Графема «бычок»

Ил. 6. Графема «кета»

Ил. 7. Графема «налим»

Ил. 8. Графема «хариус»

Ил. 9. Графема «щука»

Ил. 10. Графема «сиг»

СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 1. Д. 79. Л. 41, 45. Богораз В.Г. Новые письма чукотских оленеводов. Машинопись с авторскими поправками. Без даты

Ил. 11. Графема «волк»

Ил. 12. Графема «песец»

Ил. 13. Графема «красная лисица»

Ил. 14. Графема «сиводушка»

Ил. 15. Графема «чернобурка»

Ил. 16. Графема «голубой песец»

СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 1. Д. 79. Л. 41, 45, 46. Богораз В.Г. Новые письмена чукотских оленеводов. Машинопись с авторскими поправками. Без даты

Ил. 17. Графема «заяц»

Ил. 18. Графема «стадо разрежьте»

Ил. 19. Графема «поkochевали»

Ил. 20. Графема «богатый оленивод»

Ил. 21. Графема «ремень»

Ил. 22. Графема «тюленья шкура»

Ил. 23. Графема «шкура лахтака»

Ил. 24. Графема «пол шкуры лахтака»

Ил. 25. Графема «обрез (кусок) шкуры лахтака»

Ил. 26. Графема «сахар»

Ил. 27. Графема «банка с сахаром»

Ил. 28. Графема «мука»

Ил. 29. Графема «банка с керосином»

Ил. 30. Графема «свечка»

Ил. 31. Графема «кастрюлька»

Ил. 32. Графема «ложка»

Ил. 33. Графема «белый чайник»

Ил. 34. Графема «широкий чайник»

СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 1. Д. 79. Л. 46, 48. Богораз В.Г. Новые письмена чукотских оленеводов. Машинопись с авторскими поправками. Без даты

Ил. 35. Графема «медный чайник»

Ил. 36. Графема «чайник»

Ил. 37. Графема «папироска»

СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 1. Д. 79. Л. 48, 49. Богораз В.Г. Новые письма чукотских оленеводов. Машинопись с авторскими поправками. Без даты

Tynevil's Writing: Micro-historical Analysis of an Invention

Elena Davydova

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera),
Russian Academy of Sciences
3 Universitetskaya emb., St. Petersburg, Russia
Elenav0202@gmail.com

This paper investigates the case of the a Chukchi man, Tynevil, and his invention of a writing system in 1920s. The phenomenon is analyzed not from a linguistic, but rather from an anthropological point of view. The goal of the article is to approach an understanding of how the writing was used, what the causes and consequences of this use were, and what the sociocultural context of its invention and application was. I interpret the data about Tynevil and his signs by using micro-historical approach. An analysis of Tynevil's biography and historical context during the second quarter of the XX century leads to the conclusion that the invention was a kind of compromise for the creator, a form of the dialogue with the Soviet state, and an attempt to adapt to the social changes that were taking place in the Chukotka region at that time. In the context of the Chukchi's wary and sometimes hostile attitude toward Russians' capacity to write and moreover forcible liquidation of illiteracy among local people, Tynevil created written signs himself. Imitating the writing systems of "other cultures", he ultimately created an alternative one – the Chukchi's "own" writing.

Keywords: Chukotka, Siberian Studies, Tynevil, writing systems, history of writing, political resistance.

References

- Bolshakov A. O., *Chelovek i ego dvoynik* [Man and his Double]. St. Petersburg: Aleteya, 2001. 288 pp. (In Russian).
- Friedrich J., *Geschichte der schrift: unter besonderer berucksichtigung*. Heidelberg: Carl Winter Universitatsverlag, 1966. 408 pp.
- Ginzburg C., *Il formaggio e I vermin: Il cosmo di un mugnaio del' 500*. Torino: Giulio Einaudi editore s.p.a., 1976. 188 pp.
- Ginzburg C., Tedechi J., Tedechi A., 'Microhistory: Two or Three Things That I Know about It', *Critical Inquiry*, 1993, vol. 20, no. 1, pp. 10–35.
- Istrin V. A., *Razvitie pisma* [Evolution of Writing]. Moscow: Izdatelstvo akademii nauk SSSR, 1961. 394 pp. (In Russian).
- Istrin V. A., *Vozniknovenie i razvitie pisma* [The Origin and Evolution of Writing]. Moscow: Nauka, 1965. 596 pp. (In Russian).
- Khakhovskaya L. N., 'Shamany i sovetskaya vlast na Chukotke [Shamans and the Soviet Authority in Chukotka]', *Voprosy istorii* [Questions of history], 2013, no. 4, pp. 113–128. (In Russian).

- Kondratov A. M., *Kniga o bukve* [A Book about a Letter]. Moscow: Sovetskaya Rossiia, 1975. 222 pp. (In Russian).
- Kulikov M. I., *Chukotka. Zigzagi istorii malykh narodov Severa: Monografiya* [Chukotka. Zigzags of History of the Small Peoples of the North: a Monograph]. Velikiy Novgorod: NovGU im. Yaroslava Mudrogo, 2002. 496 pp. (In Russian).
- Leach E., *Creativity Land: Place and Procreation on the Rai Coast of Papua New Guinea*. New York; Oxford: Berghahnbooks, 2004. 236 pp.
- Leontiev V. V., *Antymavle — torgovyy chelovek: Povesti, rasskazy, novelly* [Antymavle — a Tradesman: Stories, Tales, Novels]. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1974. 350 pp. (In Russian).
- Lepore J., 'Who Love Too Much: Reflections on Microhistory and Biography', *The Journal of American History*, 2001, vol. 88, no. 1, pp. 129–144.
- Levi G., 'On Microhistory', *New Perspectives on Historical Writing*. Cambridge: Polity Press, 1991. Pp. 93–113.
- Madyukova S. A., Popkov Y. V., *Fenomen sotsiokulturnogo neotraditsionalizma* [The Phenomena of Socio-cultural Neotraditionalism]. St. Petersburg: Aleteya, 2011. 131 pp. (In Russian).
- Magnusson S. G., 'The Singularization of History: Social History and Microhistory within the Postmodern State of Knowledge', *Journal of Social History*, 2003, vol. 36, no. 3, pp. 701–735.
- Medick H., 'Micro-Historie', *Was kommt nach der alltagsgeschichte?* Gottingen: Vandenhoeck & Ruprecht Verlag, 1993. Pp. 40–53.
- Moll T. A., Inenkikey P. I., *Chukotsko-russkiy slovar: Posobie dlya uchashchikhsya 5–9 klassov obshcheobrazovatelnykh uchrezhdeniy* [Chukchi-Russian Dictionary: A Manual for 5–9-th-Grade Pupils]. St. Petersburg: Prosveshchenie, 2005. 239 pp. (In Russian).
- Pika A. I., 'Neotraditsionalizm na rossiyskom Severe: idti v budushchee, ne zabyvaya proshloe [Neotraditionalism in the Russian North: Moving Forward without Forgetting the Past]', *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 1996, no. 11, pp. 47–53. (In Russian).
- Putnam L., 'To Study the Fragments / Whole: Microhistory and the Atlantic World', *Journal of Social History*, 2006, vol. 39, no. 3, pp. 615–630.
- Scott J., *The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia*. New Haven; London: Yale University Press, 2009. 442 pp.
- Vakhtin N. B., 'Traditsiya i innovatsii v kulture: tri etyuda na temu "vybor puti" [Tradition and Innovation in Culture: Three Etudes about "Choosing a Path"]', *Ad Hominem. Pamyati Nikolaya Girenko* [Ad Hominem. In Memory of Nikolay Girenko]. St. Petersburg: MAE RAN, 2005. Pp. 177–192. (In Russian).
- Vdovin I. S., *Ocherki istorii i etnografii chukchey* [Essays on the History and Ethnography of the Chukchi]. Moscow; Leningrad: Nauka, 1965. 403 pp. (In Russian).
- Vdovin I. S., 'Torgovye svyazi naseleniya Severo-Vostoka Sibiri i Alyaski (do nachala XX veka) [Trade Relations Between Northeastern

Siberia and Alaska (until the beginning of the 20th century)]', *Letopis Severa* [Chronicle of the North], vol. 4. Moscow: Izdatelstvo sotsialno-ekonomicheskoy literatury "Mysl", 1964. Pp. 117–127. (In Russian).

Vdovin I. S., Batyanova E. P., 'Chukchi. Khozyaystvo i materialnaya kultura [Chukchi. Economy and Material Culture]', *Narody Severo-Vostoka Sibiri* [The Peoples of Northeastern Siberia]. Moscow: Nauka, 2010. Pp. 517–543. (In Russian).

Yarzutkina A. A., 'Torgovlya v traditsionnoy kulture korennykh narodov Chukotki: kommunikativnyy aspekt [Trade in the Traditional Culture of the Indigenous Peoples of Chukotka: the Communication Factor]', *Traditsionnaya i sovremennaya kultura: Istoriya, aktualnoe polozhenie, perspektivy: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 20–21 sentyabrya 2011 g.* [Traditional and Modern Culture: History, Current State, and Potential: Materials from the International Scientific-Practical Conference 20–21 September 2011]. Penza; Moscow: Nauchno-izdatelskiy tsentr "Sotsiosfera", 2011. Pp. 168–186. (In Russian).